

Отношение русских богословов втор. пол. XIX - нач. XX вв. к теории эволюции Ч. Дарвина

Н.С. Серебряков *диакон*

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б
St. Tikhon's Orthodox University
Novokuznetskaya str., 23B, Moscow 115184 Russia
e-mail: nikserebr@yandex.ru

Ключевые слова: русское богословие XIX - нач. XX вв., Библия, творение мира, грехопадение, эволюция, Чарльз Дарвин, естественнонаучная апологетика.

Key words: Russian theology of XIX - early XX centuries, Bible, creation of the world, fall, evolution, Charles Darwin, scientific apologetics.

Резюме: В статье рассматривается реакция русских богословов на теорию эволюции Ч. Дарвина сразу после выхода книги «Происхождение видов» и то, как в дальнейшем менялось отношение представителей духовных школ к этой теории. Показано, что в конце XIX и особенно в начале XX века некоторыми отечественными богословами предпринимались попытки при соотнесении Библии и науки примирить христианство с эволюционизмом, в целом (и с дарвинизмом, в частности). Однако это примирение проходило без ущерба сотериологическому учению Церкви, что отличает православных апологетов этого периода от многих западно-христианских апологетов того же времени.

Abstract: The article deals with the reaction of Russian theologians to the Darwin's evolutionary theory immediately after the publication of the book "On the Origin of Species" and how the attitude of members of the ecclesiastical high schools to this theory changed in the future. It is shown that at the end of XIX and especially at the beginning of XX century some Russian theologians attempted to reconcile Christianity with evolutionism in general (and with Darwinism in particular), but without damage to the soteriological doctrine of the Church. This was what distinguished Orthodox apologists from some Western Christians at that time.

[**Serebryakov N.S.** *deacon* The attitude of Russian theologians of XIX - early XX centuries to the Darwin's evolutionary theory]

Выход в свет книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов» в 1859 г. стал эпохальным событием в истории естествознания. Конечно, и до Дарвина существовали эволюционные представления и концепции, однако именно он смог просто и убедительно и с привлечением большого количества фактического материала объяснить происхождение всего разнообразия видов живых организмов (включая и

человека), что сразу же привлекло к его теории внимание множества ученых во всем мире. Однако не только научные достижения Дарвина способствовали увеличению его сторонников. Многие восприняли эту теорию как возможность окончательно избавиться от религиозных, в первую очередь, христианских воззрений и объяснить бытие мира и человека только лишь с естественной точки зрения. Неудивительно поэтому, что дарвиновская теория оказала столь сильное влияние на мировоззрение людей того времени и явилась серьезным вызовом христианству. Этот вызов, как пишет известный исследователь взаимоотношений науки и религии Джон Хедли Брук, «затрагивал многие стороны популярного христианского учения: природу библейского авторитета, историчность рассказов о творении, смысл грехопадения Адама и (в связи с ним) смысл искупительной миссии Христа, природу и масштабы божественной деятельности в мире, убедительность аргументов о замысле, что значит для человечества быть созданным по образу Господа, и фактические основы нравственных ценностей» (Брук, 2004: 238). Ответ на данный вызов с тех пор давался многими христианскими апологетами, однако и сейчас проблема эволюции и, в первую очередь, эволюции человека остается весьма острой и волнует многих христиан.

Интересно, что, несмотря на вроде бы очевидный конфликт теории Дарвина и христианства, в Западных церквях отношение священнослужителей и ученых богословов к этой теории в конце XIX в. было различное (Брук, 2004: 260-267; Храмов, 2015). Если одни, действительно, выступали резко против дарвинизма, видя в нем серьезную опасность своей вере, то другие, напротив, считали, что данная теория не только не вредна, но даже может быть полезной христианству, например, как средство борьбы с деизмом (ведь постоянное возникновение новых форм в процессе эволюции указывает на продолжающееся участие Бога в жизни мира). Однако результаты принятия эволюционных идей, в целом, и теории Дарвина, в частности, оказались весьма плачевными для традиционного христианства на Западе. Уже в начале XX века некоторые христианские авторы в соответствии с

представлениями об эволюции мира и человека отказались от веры в то, что были конкретные личности Адам и Ева, что они согрешили и за это они и весь человеческий род был наказан смертью, и что именно из-за этого Христос пришел на землю, чтобы спасти людей (Храмов, 2015: 91-92).

Русская богословская наука второй половины XIX в. - начала XX в. также не осталась в стороне от обсуждаемых проблем. Более того, именно вызов дарвиновской теории был одной из причин активизации отечественной апологетики, которая до этого была в самом зачаточном состоянии. Начиная с 1864 года (т.е. со времени издания первого перевода «Происхождения видов» на русский язык профессором ботаники Московского университета С.А. Рачинским), стали периодически публиковаться работы, касающиеся вопроса взаимоотношения различных аспектов эволюционизма с христианством. Из всех работ апологетического направления, опубликованных с 1864 по 1917 г. (их насчитывается около 300), лишь весьма немногие обходили стороной теорию эволюции, тогда как около полусотни публикаций посвящено только этому вопросу. Зная ситуацию в Западных церквях, интересно проследить (хотя бы на некоторых примерах), какое отношение к теории Дарвина было в русской богословской науке, менялось ли оно со временем и, если менялось, то как.

Сначала надо отметить, что и в России эволюционные идеи появились задолго до выхода книги Дарвина (например, школа К.Ф. Рулье; см. Микулинский, 2012: 2576), и поэтому для его теории уже имелась благодатная почва. Книга «Происхождения видов» стала известна еще до своего русского перевода, т.к. имелся немецкий перевод, сделанным в 1860 году палеонтологом, профессором Г. Бронном. Уже в том же году в Петербургском университете о дарвиновской теории, по воспоминаниям К.А. Тимирязева, говорил на своих лекциях профессор С.С. Куторга. А первое публичное обсуждение идей Дарвина состоялось в 1861 г. в Московском обществе испытателей природы в связи с докладом палеонтолога Г.А. Траутшольда, о чем говорит протокольная запись, опубликованная в первом номере Бюллетеня общества за этот год (Иванков, 2010: 120-121) и ставшая известной даже самому

Дарвину. Тогда же в журнале «Библиотека для чтения» появилась безымянная краткая обзорная статья о теории Дарвина (видимо, того же профессора С.С. Куторги), а в 1862 году в том же журнале опубликован перевод статьи швейцарского зоолога Э. Клапареда, где было самым подробным образом изложено содержание книги «Происхождение видов». В 1864 же году в журнале «Отечественные записки» публикует свой «Краткий очерк теории Дарвина» К.А. Тимирязев.

Именно с этими первоначальными обсуждениями теории Дарвина в русском обществе и связано самое первое упоминание имени английского ученого в русских христианско-апологетических работах, причем это упоминание было, видимо, достаточно случайным. В 1862 году профессор Санкт-Петербургской духовной академии Е.И. Ловягин, отстаивая в одной из своих статей традиционный буквальный взгляд на Всемирный потоп и доказывая, что растения и животные после потопа не есть что-то совершенно новое по сравнению с допотопными организмами, подтверждает свое мнение, в том числе, и теорией Дарвина, о которой он узнал из выше упомянутой безымянной статьи журнала "Библиотека для чтения" за 1861 год (Ловягин, 1862:757 сноска) и, видимо, не сильно в ней разобрался.

Более близкое знакомство с трудом «Происхождение видов» (связанное, в том числе, с выходом его русского перевода), а также с теми материалистическими выводами, которые сразу стали делаться на основании этой книги, послужило резко отрицательному отношению в богословских кругах к теории Дарвина и вызвало критику в ее адрес. Сначала стали издаваться переводы или рефераты иностранных критических статей. Так, уже в 1864 году в журнале МДА «Прибавления к Творениям св. Отцов» был опубликована переведенная статья католического священника и философа Я. Фрошаммера с критическим разбором учения Дарвина (Фрошаммер, 1864). А в 1865 г. в журнале «Христианское чтение» вышел реферат другой немецкой критической статьи «Научные генеалогии современного естествознания и преимущественно теория Дарвина» (Троицкий, 1865). Такие же

работы входили и в последующие годы (Прочны ли..., 1880; Идеи творения..., 1881 и др.).

Конечно, кроме переводных статей стали появляться труды и отечественных авторов, критикующих теорию эволюции Дарвина как с научных, так и богословских позиций. Первой из них, видимо, была вышедшая в 1869 г. в журнале «Странник» статья «Теория Дарвина пред лицом Священного Писания, как самого древнего исторического ботанико-зоологического памятника» (Докучаев, 1869). Об этой статье стоит сказать чуть подробнее, т.к. ее автором являлся Василий Васильевич Докучаев, будущий известный русский ученый, всего лишь через 14 лет (в 1883 г.) ставший основоположником целой естественнонаучной дисциплины - почвоведения. Но в 1867 г. он, сын священника, только что кончил с отличием Смоленскую духовную семинарию, а его выпускная работа через пару лет была опубликована в виде указанной статьи (а затем и отдельной брошюрой). Примечательно, что после семинарии В.В. Докучаев был за казенный счёт направлен учиться в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, но практически сразу ушел оттуда и поступил на естественное отделение Физико-математического факультета Санкт-Петербургского Университета (см., например: Отоцкий, 1903: 320), и вся дальнейшая его жизнь будет связана только с естественными науками. Но даже в самом первом печатном труде Докучаева, причем совсем не естественнонаучной направленности, виден явный интерес автора к изучению природы и задатки будущего естествоиспытателя. Так, приводя различные естественнонаучные данные, взятые из литературы, которые, по его тогдашнему мнению, противоречили теории Дарвина (в дальнейшем Докучаев изменил свое отношение к английскому натуралисту и даже всегда носил его портрет наряду с портретом Лайеля и др.), автор ссылается в том числе и на свои личные полевые наблюдения (Докучаев, 1869: 26-27).

Совсем уже не студенческими были работы профессоров МДА В.Д. Кудрявцева-Платонова (например, его статья «О происхождении органических существ: Теория трансформации», 1883) и С.С. Глаголева (монография «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого»,

1894 и др.), профессора СПбДА Н.П. Рождественского («Христианская апологетика», 1884) и многие другие, где подробнейшим образом и критически рассматривались труды Дарвина и работы прочих дарвинистов. Важно отметить, что критиковали теорию Дарвина не только представители духовных школ, но и профессиональные естествоиспытатели того времени (как, например, Н.Я. Данилевский, написавший объемный труд «Дарвинизм», 1885-89), обеспокоенные влиянием теории Дарвина на мировоззрение людей.

К сожалению, среди работ, написанных на высоком профессиональном уровне, встречались и работы весьма низкого качества (например, книга преподавателя Одесского Духовного училища И.А. Чемены «Дарвинизм, научное исследование теории Дарвина о происхождении человека», 1892), что отрицательно сказывалось в деле защиты веры и традиционных представлений о нравственности. Поэтому неудивительно, что подобные некачественные работы также в свою очередь подвергались строгой критике со стороны лучших представителей русских духовных школ (о работе Чемены см.: Глаголев, 1893).

Итак, к теории Дарвина со стороны отечественных христианских апологетов второй половины XIX века предъявлялись многочисленные претензии. В данной работе не будет рассматриваться естественнонаучная критика, т.к. сейчас она в большинстве случаев устарела. Для нас более важны связанные с данной теорией богословские проблемы, которые до сих пор волнуют многих христиан. Из них наиболее часто апологетами указывались следующие:

1. Дарвинисты вместо Бога провозглашали слепой случай творцом всего органического мира, а целевая причина творения ими полностью устранялась.

2. Человек производился путем эволюции от человекообразной обезьяны, тем самым отвергалось понимание его как образа Божия.

3. Применение теории Дарвина к социальным отношениям позволяло отвергнуть христианское понимание нравственности, как «противоестественное».

Из прочих проблем указывалось на противоречие

дарвинизма библейскому учению о творении «по роду их» (с которым связано традиционное представление о постоянстве биологических видов); на требование теорией эволюции длительной истории существования мира в противовес библейскому учению о шести днях творения, традиционно понимаемых буквально; на попытки произвести монотеистические религии (в том числе, христианство) эволюционным путем из политеизма и т.д. Интересно, что грехопадение первых людей в связи с теорией Дарвина отечественными богословами практически не обсуждалось.

В первую очередь, именно с указанным выше пунктом 3 связано то, что теория Дарвина встретила сильное сопротивление со стороны христиан. Такая реакция была вызвана тем опасением, что «взгляд на человека, как на высшее животное, если бы он воцарился повсюду и надолго, наверное, поработил бы дух плоти, привел бы к огрублению нравов, к поголовной борьбе за существование, к вырождению племен, и наконец, к одичанию или скотскому состоянию, в котором находятся дикари» (Беляев, 1882: 6). Также еще можно вспомнить слова прп. Варсонофия Оптинского, который в одной из своих бесед в 10-х гг. XX в. назвал философию, построенную на теории Дарвина, звериной (Варсонофий Оптинский, 1991: 57).

Однако первые два пункта (как и разные несоответствия теории Дарвина библейскому описанию творения мира и человека) для многих отечественных богословов стали со временем не такими однозначными, и поэтому отношение к эволюции стало более терпимым, по крайней мере, у некоторых авторов.

Причинами принятия (пусть и ограниченного) идеи эволюции православными богословами могло послужить, во-первых, то, что эта идея, предлагаемая ли в теории Дарвина или в любой другой эволюционной теории, в самом общем виде согласуется с описанием в первой главе книги Бытия процесса Божьего творения, в ходе которого создания становились все более и более совершенными, что ёмко выразил свт. Григорий Нисский: «последним после растений и животных устроен человек, так что природа каким-то путем последовательно

восходила к совершенству» (Об устройении человека, 1861: 99). Или как писал анонимный автор в статье «Цепь творений» в журнале «Христианское чтение» еще в 1833 году: «в чудном разнообразии звеньев, составляющих неизмеримую цепь вещей сотворенных, заметна также непрерывная постепенность в переходе от несовершенного к лучшему, от лучшего к более совершенному» (Цепь творений, 1833: 362-363), и «длинный ряд их, начинаясь простым кораллом, проходит тысячею многообразных ступеней, от насекомых, рыб, птиц и млекопитающих животных до человека» (Цепь творений, 1833: 364). Во-вторых, даже многие противники теории Дарвина, полностью убежденные в ее ложности и недоказанности, при этом утверждали, что будь данная теория верной, увлеченность материалистов ею построена на недоразумении, т.к. самой теорией необходимо предполагается наличие в природе разумного начала и что «самая трансформация пород невозможна без предположения условливающей ее разумной силы и не может быть объяснена из одних материальных условий» (Кудрявцев-Платонов, 1883: 367; см. также Рождественский, 1868: 662-664). Такая скрытая телеологичность эволюции, даже в рамках теории Дарвина, могла способствовать согласованию эволюционных представлений с христианством, что в итоге и случилось. Приведем несколько примеров.

Так, еще в середине 70-х годов Г.К. Властов (автор известного многотомного труда «Священная летопись первых времен мира и человечества как путеводная нить при научных изысканиях» хоть и не принадлежал к духовной школе, но его книга была высоко оценена Святейшим Синодом и рекомендована для приобретения в библиотеки духовных семинарий, а также приходскими священниками) рассуждал о развитии как растительного, так и животного мира «от простейших видов к более сложным» (Властов, 1879: 65-66). Здесь же он писал и о неизмеримых годах развития мира («в продолжение которых Творцу угодно было заставить материю развиваться стройно согласно давно начертанным предвечною мыслию законам»), и о том, что под библейскими днями творения надо понимать длительные периоды времени, чтобы

было удобно примирять геологические исследования с библейскими сказаниями (Властов, 1879: 54-55). Правда, что касается человека, то автор отвергал теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны, считая этот взгляд не только не доказанным, но даже не согласным с самим принципом естественного отбора (Властов, 1879: 23-25).

Также идею эволюции мира в самом общем виде использовал в своей апологетической работе и ректор Киевской Духовной Семинарии архим. Борис (Плотников) для опровержения мнения о безначальности мира (Борис (Плотников), 1891: 78-66). Для этой цели он рассматривал естественнонаучные сведения об истории развития как Солнечной системы, так и планеты Земля и органического мира на ней (Борис (Плотников), 1891: 138,144-145). Однако и архим. Борис не признавал теорию Дарвина (причем на основании не богословских, а чисто естественнонаучных аргументов, которые предлагали в то время различные ученые; Борис (Плотников), 1891: 143-144), и отвергал положение о том, что один вид существ может превратиться в другой, особенно если речь шла о трансформации животного в человека (Борис (Плотников), 1891: 145).

Правда, в это же самое время некоторые авторы уже не видели ничего плохого и в согласовании творения с эволюцией именно по Дарвину. Так, еще в начале 80-х гг. XIX в. прот. Н. Сергиевский в своей работе «Творение мира и человека» находил некие параллели между представлением Дарвина о происхождении всех растений и животных от одной первоначальной формы, «в которую Творцом первоначально вдохнута жизнь», с библейским указанием на оживление всего мира Духом Божиим в начале творения (Сергиевский, 1883: 161). Но при этом данный автор опять же не включал человека в ряд развития животного мира, указывая на его отдельное сотворение Богом после творения животных (Сергиевский, 1883: 162-166).

Однако уже в начале XX века теория Дарвина стала применяться некоторыми апологетами и к человеческому телу. Так, в 1901 г. профессор СПбДА прот. Е. Аквилонов говорил о том, что: «Мы уступаем естествознанию право - с помощью

палеонтологии, сравнительной анатомии, зоологии, эмбриологии и других наук показать те естественные условия, при которых рождается и растет человек» (Аквилонов, 1901: 840), и что он может представить себе гипотетическую ситуацию, «что дарвинистам удалось бы доказать истинность гипотезы о происхождении человека от обезьяны» (Аквилонов, 1901: 840). Но даже при такой уступке нельзя признать, что сознание человека может быть выведено из материальных физических причин, ведь: «Последовательное прохождение по ступенькам различно организованных животных существ, начиная с самой низшей, никак не может служить основой для человеческого сознания и самосознания» (Аквилонов, 1901: 840). Основой сознания человека о. Е. Аквилонов считает сверхчувственное духовное начало, поэтому, по его мысли, «библейское учение о сотворении человека непосредственно Самим Богом имеет глубочайший смысл и значение» (Аквилонов, 1901: 841).

Еще дальше в примирении Библии с теорией Дарвина шел известный своими реформаторскими и социалистическими взглядами профессор СПбДА архим. Михаил (Семенов), который в своей работе «Дни творения» прямо писал о том, что «мир переживает эволюционный процесс постепенного развития. Это догма однако и Дарвина, и Моисея» (Михаил (Семенов), 1906: 22). Основываясь на «Библейских этюдах» (1873-74 гг.) швейцарского евангелического богослова Фредерика Луи Годэ, архим. Михаил пишет, что «идея творчества не отрицает эволюции. Наоборот, Библия утверждает ее» (Михаил (Семенов), 1906: 23). Ведь возникновение различных видов твари книга Бытия связывает как с Божественными повелениями: «И сказал Бог...», так и с действием самой природы: «Да произведет земля..., да произведет вода...» (Михаил (Семенов), 1906: 23). Тем более, что день творения «вовсе не нужно понимать в смысле 24-часового дня», день творения - это «период-эпоха», что как раз согласуется с утверждениями науки о том, что Земля существует миллионы лет (Михаил (Семенов), 1906: 18-19). Человек же, по мнению арх. Михаила, есть конечный пункт эволюции (Михаил (Семенов), 1906: 16, 22), хотя здесь не

поясняется подробно, какой конкретно предполагается способ творения человека. Также стоит отметить, что автор, как известный апологет своего времени, не только старался согласовать Библию с эволюционными представлениями, но и использовал теорию эволюции для утверждения веры. Он так же, как и ранее архим. Борис (Плотников), считал, что представление об эволюции мира подтверждает христианское учение о том, что мир не вечен и имеет начало. Ведь иначе эволюция, предшествующая появлению человека или планеты Земля, уже бы закончилась бесконечно давно (Михаил (Семенов), 1906: 22).

В качестве последнего примера укажем на протоиерея Михаила Чельцова, который в своей статье 1916 года уже прямо склонялся к тому, что человек по телу был создан Богом путём эволюции от обезьяны («персть от земли, доразвившаяся до степени такой полноты и гармоничности, при которой она удостоилась быть вместилищем дыхания Божия и носителем образа Его»), и видел в таком способе творении духовность и премудрость Божии (Чельцов, 1916). При этом предположение о происхождении человека по телу от обезьяны, по мнению о. Михаила, нисколько не вредит взгляду на человека как на образ Божий (Чельцов, 1916).

Как видно из этих приведенных примеров, в русском дореволюционном богословии, а точнее в его апологетической части, как и в западном богословии, представления об эволюции Земли, органического мира и даже человека (в русле теории Дарвина) постепенно усваивались и согласовывались с библейским Откровением. Однако в отличие от Запада в отечественном богословии не дошло до радиальных выводов о том, что надо отменить учение о первородном грехе и, в конечном итоге, о смысле Пришествия Христа на землю. Несмотря на все желание примирить науку и христианство, русские апологеты никогда не отказывались от сотериологического учения Церкви. Эта же тенденция будет наблюдаться и в течении всего XX века.

ЛИТЕРАТУРЫ

- Аквилонев Е., свящ. 1901. О физико-телеологическом доказательстве бытия Божия: речь, произнесенная на торжественном годичном акте С.-Петербургской Духовной Академии 21 февр.1901 г. - Христианское чтение. 6: 809-843.
- Беляев А.Д. 1882. Значение повествования боговидца и пророка Моисея о сотворении человека. Публичное чтение 14 февр. 1882 г. М.: Изд. Е.Н. Тихомировой. 30 с.
- Борис (Плотников), архим. 1891. О начале мира. Апологетическое исследование. 2-е изд. К.: Типогр. С.В. Кульженко. 148 с.
- Брук Дж.Х. 2004. Наука и религия. Историческая перспектива. Пер. с англ. М.: ББИ. 352 с.
- Варсонофий Оптинский, прп. Беседы с духовными детьми. СПб. 1991.
- Властов Г.К. 1879. Священная летопись первых времен мира и человечества как путеводная нить при научных изысканиях. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1878-1879. Т. 1: Вступление и Книга Бытия. 390 с.
- Глаголев С.С. 1894. О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого. М.: Тип. А. И. Снегиревой. 605 с.
- Глаголев С.С. 1893. Новый антидарвинистический труд. В кн. Чемена А. И. Дарвинизм, научное исследование теории Дарвина о происхождении человека. Одесса. - Богословский вестник. 9 [1892]: 478-490.
- Григорий Нисский, свт. 1861. Об устройении человека // Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М.: Тип. В. Готье. С. 76-222.
- Данилевский Н.Я. 1885-1889. Дарвинизм. Т. 1-2. СПб.: Изд. М.Е. Комарова.
- Д-чаев [Докучаев] В. 1869. Теория Дарвина пред лицом Священного Писания, как самого древнего исторического ботанико-зоологического памятника. - Странник. I: 12-33, 45-75.
- Иванков В.Н. 2010. Наш Дарвин (К 150-летию выхода книги «Происхождение видов»). - Вестник ДВО РАН. 1: 120-128.
- Идея творения и теория эволюции. - Христианское чтение. 1881. 5-6: 667-702.
- Кудрявцев-Платонов В.Д. 1883. О происхождении органических существ: Теория трансформации. - Прибавления к Творениям св. Отцов. № 31. Кн. 1: 45-106; Кн. 2: 432-478.
- Ловягин Е.И. 1862. Разбор суждений новейших естествоиспытателей о Ноевом потоке сравнительно с учением Слова Божия об этом предмете. - Христианское чтение. I.
- Микулинский С.Р. 2012. Карл Францевич Рулье (1814-1858). - Русский орнитологический журнал. Т. 21 (Экспресс-выпуск № 806): 2561-2579.
- Михаил, а. [арх., (Семенов)] 1906. Дни творения. СПб.: Тип. Монтвида. 23 с.
- Отоцкий П.В. 1903. Жизнь В.В. Докучаева. - Почвоведение. 4: 319-342.
- Прочны ли выводы естествознания о происхождении жизни и человека. - Христианское чтение. 1880. 1-2: 3-46.
- Рождественский В.Г., прот. 1868. Материализм Бюхнера. - Христианское чтение. 11: 645-690.

Н.С. Серебряков / N.S. Serebryakov

- Рождественский Н.П. 1893. Христианская апологетика: Курс основного Богословия, читанный студентам СПб. Дух. Академии в 1881/2 учебном году покойным профессором Николаем Павловичем Рождественским. В 2 тт. Изд. 2-ое. СПб.: Издание И.Л. Тузова.
- Сергиевский Н.А., прот. 1883. Творение мира и человека. Изъяснение библейской истории в связи с естественною историей. Апологетический опыт. М.: Университетская тип. 238 с.
- Троицкий И. 1865. Научные генеалогии современного естествознания и преимущественно теория Дарвина. - Христианское чтение. II: 408-426, 617-639.
- Фрошаммер Я. 1864. Разбор учения Дарвина о происхождении видов в царствах животном и растительном: [Пер. с нем. П.И. Горского-Платонова]. - Прибавления к Творениям св. Отцов. № 23. Кн. 3: 245-354.
- Храмов А. 2015. Теистическая эволюция и дарвинизм: от войны к миру. - Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 4 (33): 84-109.
- Цепь творений. - Христианское чтение. 1833. 4: 362-375.
- Чельцов М. прот. 1916. О человеческих привнесениях в Библию. - Христианская мысль. 6.
- Чемена И.А. 1892. Дарвинизм, научное исследование теории Дарвина о происхождении человека. Одесса. 520 с.

Получена / Received: 10.04.2019
Принята / Accepted: 25.04.2019